

Э. М. Байтенов

ЛАМАИСТСКИЕ ВЛИЯНИЯ В ПАМЯТНИКАХ МЕМОРИАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В казахском мемориальном зодчестве в XIX в. активизировался поиск новых выразительных форм, основанных в том числе и на вновь осваиваемых источниках образности. Это привело к всплеску процесса формообразования на всей территории Казахстана во второй половине XIX — начале XX в. В этот период на востоке Казахстана народные зодчие, создавая архитектуру мавзолеев, в ряде случаев вдохновлялись формами культовых сооружений ламаизма (субурган, ступа). Ламаизм (тибетский буддизм) утвердился не только на территориях, примыкающих к Восточному Казахстану, но, благодаря миграциям джунгарских племен, и по всему Верхнему Прииртышью. Исторические контакты казахов с ойратами, а позднее тесные связи с Западным Китаем, где также процветал ламаизм, совпавшие с интенсивными поисками образности в мемориальном зодчестве, вероятно, и могли актуализировать «восточные ассоциации».

Влияние ламаистских культовых сооружений особенно прослеживается в архитектуре мавзолеев Жаманбала-Садырбай, Зейнулла, а также и в других памятниках (Сарыказак, Балтабек кажи и др.). Впрочем, даже в наиболее характерном мавзолее Жаманбала-Садырбай нельзя говорить о прямом копировании форм буддийской архитектуры — это скорее импровизация на тему субургана на традиционной основе (квадратный в плане корпус, увенчанный куполом), последняя выразилась в еще большей степени в сводчатом внутреннем пространстве камеры, что вообще не характерно для субурганов.

Народным мастерам, творившим на востоке казахских степей и освоившим к середине XIX в. традиционную объемно-пространственную структуру однокамерного купольного объема, а на его основе и многокамерные композиции, предстояло определиться с дальнейшими путями развития мемориалов. В этих условиях одному из направлений поисков образности оказались созвучными «восточные» архитектурные формы, которые в некотором приближении и были использованы в создании новых уникальных композиций.

Ключевые слова: казахские мавзолеи, ламаизм, ступа, субурган, купол, ойраты, архитектурное формообразование

E. M. Baitenov

LAMAIST INFLUENCE ON THE MEMORIAL ARCHITECTURAL MONUMENTS OF EAST KAZAKHSTAN

The search for new expressive forms, intensified in Kazakh memorial architecture during the 19th century, was also based on adopting new sources of imagery. This process led to a breakthrough in form development in the architecture on the whole territory of Kazakhstan within the period of the second half of the 19th and up to the beginning of the 20th centuries, when folk architects created mausoleums that were inspired by the forms of cult constructions of Lamaism (suburgan, stupa). Lamaism (the Tibet brunch of Buddhism) was established not only on the territories adjacent to East Kazakhstan and all over the area of the upper Irtysh river, but it also happened due to the migration of the Dzungaria tribes. Historical communications of the Kazakhs with Dzungaria tribes and later close connections with West China coincided with the process of actively seeking new forms of artistic imagery by the local masters and might have intensified the so called "associations with the Orient".

The influence of Lamaist cult constructions is mostly evident if we consider the architecture of the mausoleums called Zhamanbala-Sadyrbai and Zeinulla. Lamaism can be also traced if we study other monuments (Saryqazaq, Baltabek qazhi & others). However, even if we speak about the most characteristic mausoleum, namely Zhamanbala-Sadyrbai, we can hardly confirm that it is a direct copy of the forms of Buddhist architecture — it is rather an improvisation as per the type of the form of the suburgan, which is based on the traditional construction

(square layout of the building's body with the dome upon it). The inner space of the building's chamber is traditionally vaulted, which is absolutely atypical for the suburgans. East Kazakhstan folk architects who adopted the traditional volumetric-spatial structure of a single-chamber domed construction, which paved the way for them to master multi-chamber domed ones, had to determine how memorials should be developed further. The specified background stimulated them to assume oriental architectural forms that appeared to be in line with the process of seeking new artistic imagery and that were somehow applied in creating new unique compositions.

Keywords: *Kazakh mausoleums, stupa, suburgan, dome, Dzungaria tribes, architectural form development*

По сравнению с памятниками других областей, казахское мемориальное зодчество Восточного Казахстана до недавнего времени было не только не изучено, но и малоизвестно, ограничивалось в основном упоминанием или кратким описанием отдельных построек в разного рода источниках. Начиная с 1989 г. экспедициями под руководством автора было выявлено более сотни восточно-казахстанских мавзолеев. В публикациях участников экспедиций освещались отдельные аспекты этого наследия, в частности, отмечалась стилизация и внешнее сходство некоторых мавзолеев с архитектурой культовых буддийских сооружений (Байтенов 2004: 120; Байтенов 2014: 181; Исабаев 2017: 83 и др.). В настоящей же статье проанализированы более углубленно «восточные» влияния, а также условия и степень их участия в сложении архитектуры ряда казахских мавзолеев на востоке Казахстана.

Казахские некрополи отличались живописностью и большим разнообразием, что не раз отмечалось очевидцами: «...вид кладбища киргизского (казахского — Э. Б.) есть одно из любопытных зрелищ для путешественника...» (Левшин 1832: 112–113), «...тут скопилось десятка четыре, если не больше, могильников, притом самых разнообразных — словно нарочно изошрялись в стилях надгробных построек! Были здесь и круглые усыпальницы, вроде небольших зубчатых крепостей, и сложенные наподобие русских изб бревенчатые срубы, завершенные остроконечными шпильями, и обычные в степи, открытые саман-

ные муллы с башенками по углам и мазары со сводчатыми куполообразными крышами...» (Иванов 1914: 81), «...словом, виды этих могил неисчислимы» (Валиханов 1984: 191). Тем не менее в казахском мемориальном зодчестве в XIX в. появляются и достаточно устойчивые типологические разновидности локальных архитектурных групп памятников, но и в них встречаются отдельные постройки с весьма необычными формами, что могло быть связано с какими-то специфическими обстоятельствами или обусловлено подражательностью, пусть даже и совершенно другим архитектурным типам, как, например, «ташкентским укреплениям», что отмечал еще Ч. Ч. Валиханов (Валиханов 1984: 191).

Восприимчивость и открытость к инновациям и влияниям характерна именно для мемориальных построек с их интенсивными поисками выразительности, особенно во второй половине XIX — начале XX в. Ассоциациями с формами буддийских культовых сооружений особо отличается мавзолей Жаманбала-Садырбай (около 1860 г., бассейн р. Баканас, Восточный Казахстан). Памятник возведен для двух братьев, поэтому и состоит из двух одинаковых усечено-пирамидальных объемов, увенчанных небольшими коническими куполами и соединенных входным помещением. Над каждым куполом возвышается шпиль в виде колеса¹ (ил. 1),

¹ Колеса от телег изредка встречаются в конструкциях мавзолеев XIX — начала XX в. (такие памятники нами были обследованы в низовьях Сырдарьи, в Западной Бетпақдале и т. д.) обычно как элемент, замыкающий купол по

закрепленного на вертикально установленной жерди.

Красивая легенда повествует о том, что колеса, венчающие оба купола мавзолея Жаманбала-Садырбай, принадлежали экипажу — подарку российского императора, впоследствии экипаж был использован для хаджа в Мекку² — есте-

аналогии с шанраком юрты, конструкция же, напоминающая зонт буддийского культового сооружения — ступы, в казахском зодчестве уникальна, судя по фотографии 1958–1959 г. (ил. 1 в) на колесах еще сохранялись сегменты ободов на спицах, ныне совершенно утраченные.

² Потомок Садырбая в пятом поколении Амангельды Кабжанулы Керимтаев (1943 г. р.), в прошлом аким (глава) Аягузского района, не подтверждает эти сведения (2020 г.), с его слов, в Мекку добирались из этих мест через Одессу, морем; он сообщил также, что руководил строительством мавзолея Садырбая, первой была построена «южная» камера, там и покоятся Жаманбала и дядя обоих братьев. Садырбай был старшим братом и хорошим организатором, Жаманбала, как и др. родственники, много ездил по его поручениям, кончина застала его в Бухаре, но, возможно, по торговым делам он бывал и в Китае. С Синьцзяном у казахов из приграничных районов были традиционно тесные родственные и иные связи, поэтому в 30-е гг. XX в. и произошла массовая перекочевка казахов в Китай (и даже в советское время отец информатора и правнук Садырбая — Кабжан, часто там бывал). Жители приграничных с Китаем территорий хорошо знали быт и обычаи края, в связи с чем архитектурные особенности не вызывали отторжения. Так, в г. Жаркент на юго-востоке Казахстана в 1895 г. была построена мечеть с явным симбиозом среднеазиатских и китайских архитектурных традиций.

Между тем еще в 1990 г. знаток местной истории Алман Карибаев (1935 г. р.), ссылаясь на Кабжана Керимтайулы, внука Садырбая и, кстати, отца упомянутого Амангельды Керимтаева, сообщил мне об экипаже как о царском подарке. Известно и о нескольких «депутациях» в Россию из этих мест, например, в 1828 г. с искомым заявлением ездили бии из Аягузского округа — Айдарбек би, Шаки би, Кисык Тезе-

ственно, что после всего этого он должен был стать раритетом.

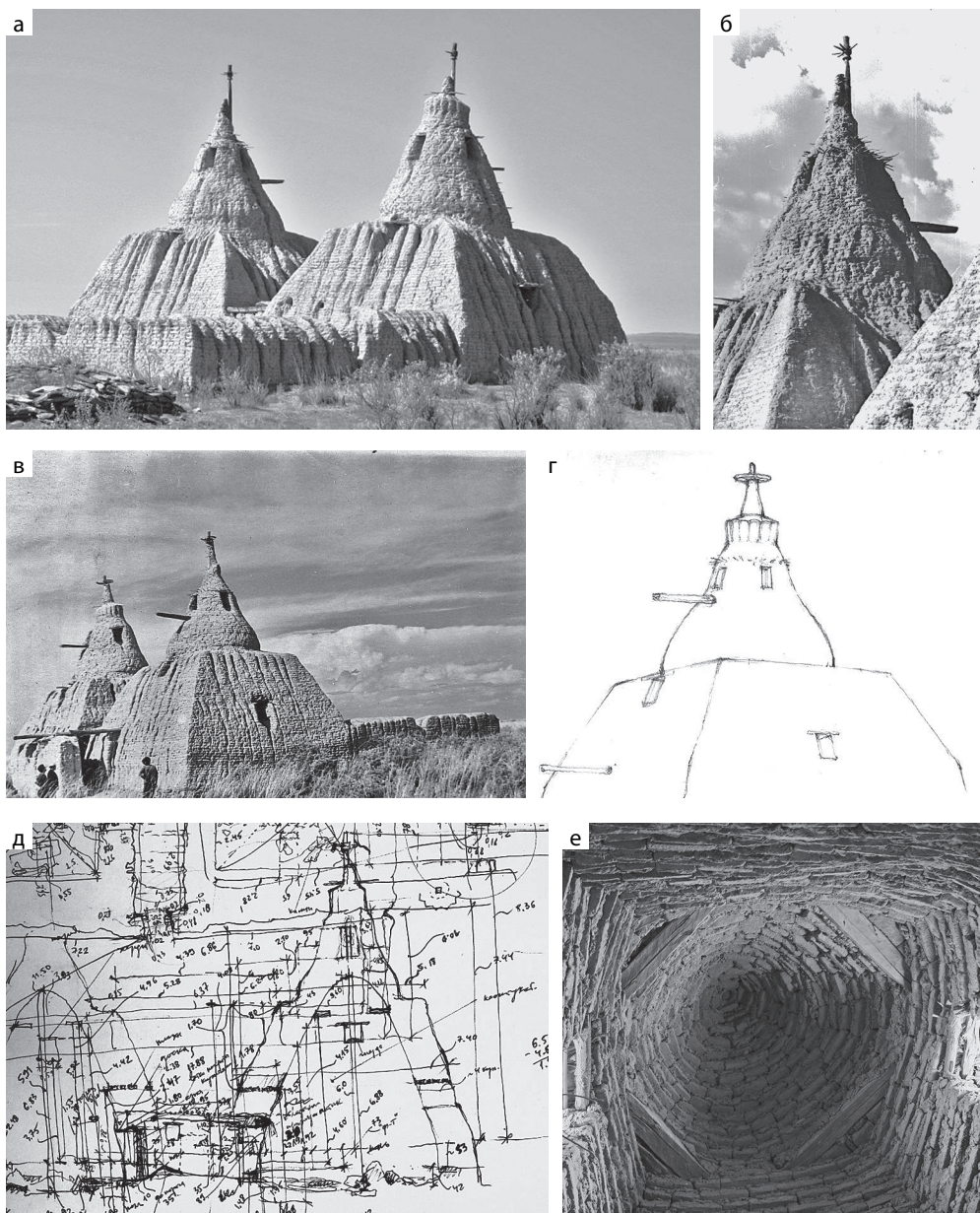
Непропорционально высокий для местных мавзолеев корпус каждой камеры Жаманбала-Садырбай в сочетании с небольшим куполом (а купола обычно доминируют, ил. 2) и «зонтом»³ больше напоминает ламаистские субурганы и ступы (ил. 3), особенно широко распространенные в Тибете, Монголии, Бурятии.

Сходство еще более усиливается благодаря «колоколообразному» очертанию куполов, напоминающему некоторые ступы (что больше встречается в Юго-Восточной Азии) и наклонным стенам, типичным для тибетских построек. В верхней монолитной части купола мавзолея устроена миниатюрная камера, может быть, как перифраз ниши для хранения реликвий в субурганах. Впрочем, нельзя говорить о прямом копировании форм буддийской архитектуры, это скорее импровизация на тему субур-

ков, Сарт Жоши посетили сначала Омск, а затем Санкт-Петербург (*Каримов, Оралбай* 2016: 108), в 1873 г. в Санкт-Петербург отправились депутаты от Зайсанского края, чтобы засвидетельствовать «верноподданнические чувства» (присяга) Александру II (*Денякин* 2017: 17). Церемонии сопровождались обменом дорогими подарками.

В Мекку казахи добирались не только через порты Черного моря (наиболее легкий и короткий путь), существовал и другой путь, по которому шли «паломники из среднеазиатских владений» Российской империи с бухарскими и «даже китайскими билетами», заменявшими паспорт (такие билеты были у некоторых казахов из Восточного Казахстана, в частности у Кунанбая, отца Абая) — через Самарканд и Бухару, далее через Афганистан и Индию (*Сборник материалов по мусульманству* 1899: 143, 145, 146).

³ Любопытная аналогия: зонт является одним из восьми символов удачи и означает преодоление всех страданий. Если же экипаж, пусть даже в предании, связан с далекими странами, то его колеса должны были *преодолеть* большие трудности.

Ил. 1. Мавзолей Жаманбала-Садырбай. Бассейн р. Баканас, Восточный Казахстан: а) общий вид. Фото Э. Байтенова, 2005 г.; б) фрагмент. Фото Э. Байтенова, 1990 г.; в) общий вид. Фото 1958–1959 гг. Автор неизвестен (архив Э. Байтенова); г) реконструкция Э. Байтенова; д) фрагмент обмерного чертежа 1990 г.; е) свод камеры, выведенный напуском кладки. Фото Э. Байтенова, 2005 г.

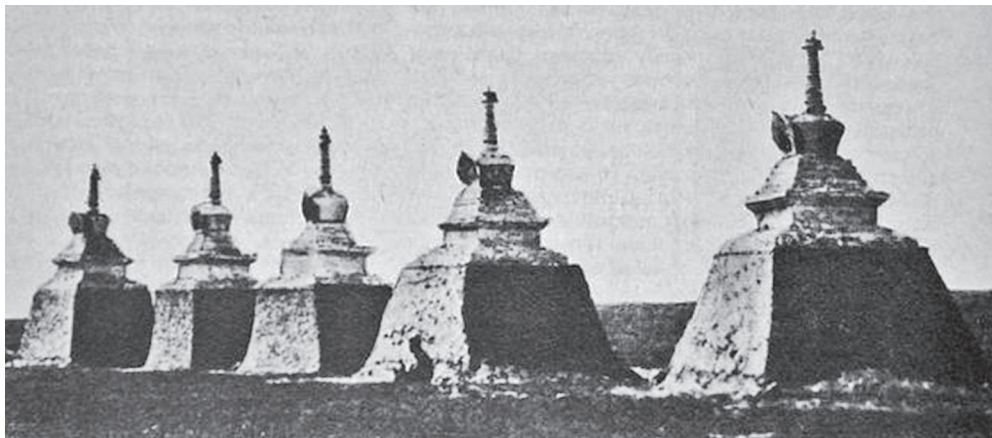

Ил. 2. Купол обычно доминирует в общей композиции мавзолеев Восточного Казахстана: а) мавзoley Омар. Фото Э. Байтенова, 2005 г.; б) мавзoley Бигазы. Фото Э. Байтенова, 2009 г.

гана — и если корпус имеет значительное сходство с усечено-пирамидальными основаниями этих сооружений, то главка купола, соответствующая реликвию, непропорционально мала, хотя также несколько расширена сверху, что не характерно для восточно-казахстанских мавзолеев. Купол лишь отдаленно напоминает пирамидальное уступча-

тое основание под реликвиарием, вероятно, это связано с особым отношением казахов к куполу, что и предопределило устойчивость этого элемента к трансформациям.

Как известно, в традиционной казахской культуре существовал обычай ритуального разрушения предметов после смерти хозяина с использованием

Ил. 3. Ламаистские субурганы. Фото Г. Цыбикова, 1900-е гг. Источник: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Файл:Цыбиков_Ступы.JPG

обломков в погребальном сооружении (Байтенов 2019а: 320–321). Обычно такие «детали» имели двойное назначение — как дань традиции и конструктивный элемент. Доски от мебели, части юрты, применялись в виде перемычек над входными или оконными проемами («два в одном» — характерный принцип кочевых культур), колеса⁴ же естественным образом «замыкали» купол в верхней его части. Но в данном случае высокий статус колес был засвидетельствован включением их в венчающую часть мавзолея в виде символического элемента, напоминающего зонт ступы. В то

⁴ Колесо в мавзолеях обычно использовалось целиком, как часть повозки, которая, собственно, и разрушалась (у монголов, например, колеса от повозки умершего отрубались). Примечательно, что колесу, «переходившему» в иной мир и используемому в конструкции купола придавалось и неестественное для него положение — горизонтальное. Колеса, а иногда и их обломки просто лежат в мавзолеях и на могилах, некоторые из этих колес, возможно, от повозок, на которых тело привозилось на некрополь. Сведения разбросаны по разным источникам, но вопрос требует специального рассмотрения.

же время это увеличивало и общую высоту — одна из ключевых характеристик архитектуры казахских мавзолеев заключается в выявлении вертикальной оси памятника, в унисон с которой и «звучат» поднятые на шпильях колеса (высота 10,7 м). Вместе с тем каждый из двух купольных объемов в отличие от монолитных субурганов имеет характерную для казахских мавзолеев долину р. Баканас высокую сводчатую камеру, выведенную напуском кладки (ил. 1 е) с двумя парами световых проемов, расположенных на разной высоте. Таким образом, местная традиция мусульманских мемориальных построек в большей степени выразилась во внутреннем пространстве, внешний же строй хотя и отвечал формально традиционной структуре мавзолеев (квадратный в плане корпус, увенчанный куполом), но в поисках выразительности приобрел «восточные» черты сооружений ламаистского культа. К началу же XX в. общая тенденция активного пластического развития внешних форм (при «невнимании» к устройству камер) распространена практически повсеместно, особен-

но в памятниках из сырцового кирпича. Именно в этот период в мавзолеях Сарыарка, Мангышлака, низовьев Сырдарьи и на востоке Казахстана в полную силу заявляет о себе внешняя «скульптурность», иногда даже с оттенком вычурности, чаще всего в сочетании с более сдержанным решением внутреннего пространства, что, собственно, и проявилось в рассматриваемом мавзолее.

Верхнее Прииртышье, где и находится мавзолеев Жаманбала-Садырбай — это территория, смежная с ареалом традиционно ламаистских верований (Монголия, Западный Китай). Кроме того, именно прииртышские области в первую очередь подверглись завоеванию джунгарских племен — носителей этой ветви буддизма. Многочисленные описания, оставленные путешественниками XVII–XIX вв. (Ф. С. Байковым, П. С. Палласом, А. К. Гейнсом, Г. Н. Потаниным и многими другими), пестрят упоминаниями ламаистских монастырей со священнослужителями-ламами («лабы»), а также ойратских укреплений и их развалин. Руины таких сооружений и культовые места с молитвенными надписями тибетским, ойратским письмом и на санскрите достаточно многочисленны, особенно в Восточном и Юго-Восточном Казахстане, некоторые из них имеют художественную и культурно-историческую ценность. Наиболее известны монастырь Аблай-кит в Восточном Казахстане, скала Тамгалы-тас с изображением Будды в различных ипостасях на р. Или, гравированное изображение ступы в районе г. Текели (ил. 4) на юго-востоке Казахстана, скорее всего, сооружались и сами ступы.

Особого внимания заслуживает местность с ойратскими культовыми надписями и рисунками в массиве Доланкара (Байтенов 2019b: 5–25) в западной части хребта Тарбагатай (Восточный Казах-

Ил. 4. Ступа, барельеф. Окраина г. Текели, Юго-Восточный Казахстан. Фото Э. Байтенова, 2020 г.

стан). Где-то там в долине р. Богаз провел зиму 1639/1640 г. вернувшийся из Тибета знаменитый создатель ойратского алфавита «тодо бичиг» («ясное письмо»), ученый и просветитель Зая Пандита (Златкин 1983: 110). О геополитической значимости Тарбагатай свидетельствует и проведенный в этом же 1640 г. съезд ханов и князей, собравшихся почти со всего «монгольского мира» — из Халхи, Кукунора, Джунгарии и Поволжья, на котором был принят свод законов и правил «Цааджин бичиг», сыгравший значительную роль в консолидации монгольского общества (Златкин 1983: 113). Таким образом, события, связанные с утверждением и расцветом тибетского буддизма (ламаизма), а также ростом политического могущества Джунгарского ханства,

конечно же, не могли не оставить материальный след на востоке Казахстана, а также и упоминания в исторической памяти казахских племен. Знакомство с культурой восточных соседей, в том числе и с ламаизмом, имело продолжительную историю в казахской среде — интенсивные казахско-джунгарские контакты на упомянутых территориях продолжались в течение нескольких столетий. В основном это были военные столкновения, хотя были и относительно мирные периоды (во всяком случае, до тотального джунгарского нашествия 1723 г., запомнившегося как годы народного бедствия «Ақтабан шубырынды»). Оба соседствующих кочевых этноса знали обычаи и язык друг друга, а также происходил постоянный культурный и хозяйственный обмен, в том числе генетическим. Так, в районе хребта Тарбагатай нами были зафиксированы предания о калмычках⁵ — женах состоятельных казахов, о высоком статусе и уважении к ним свидетельствуют возводившиеся в их память купольные усыпальницы. Об интенсивности контактов между казахами и джунгарами («қалмақ», «жоңғар») свидетельствуют и названия местности (горы Доланкара, хребет Тарбагатай, озеро Зайсан, река Чаган и мн. др., а топонимы Аркат, Кажур — созвучны или прямо отсылают к буддийской культуре), ойратские имена у казахов (Аблай, Байту, Нурсан и даже Ойрат и др.). Более того, после гибели знаменитых ойратских батыров их имена в виде оберега оставались в наименованиях мест (Каскелен, Чемолган, Кордай в окрестностях Алматы). В Тарбагатае же с именем непобедимого батыра Чагана совпадают названия сооружения

⁵ Калмычкой, например, была мать хана Тауке (1635–1715), время правления которого с 1680 по 1715 г. считается самым счастливым временем, «внутри ханства царили мир и спокойствие» (Тынышпаев 1926: 6).

Чаган-обо⁶, реки, местности к югу от обширной Чиликтинской долины со знаменитыми «золотыми» курганами, а также горного перевала в сторону Китая. В этих местах происходили боевые действия под предводительством самого Чагана и его сына Кергена. Именем этого батыра (в современной традиции) называется древнетюркский памятник ориентировочно конца VI в. — Керген-тас, вероятно, связанный с одним из первых джабгукаганов или с какой-то другой ключевой фигурой каганата. На камнях памятника нами обнаружены три надписи, одна из них бактрийская, две другие на брахми, а также «трехглазая» личина, возможно, буддийского содержания (Байтенов 2016а: 22–37). Примечательно, что в этом урочище, даже спустя сотню лет после казахско-ойратских войн, находились летние кочевья калмыков «торгоутского рода» (Абрамов 1867: 9).

Судя по дореволюционной фотографии, Чаган-обо (ил. 5) — это монументальное сооружение из необработанного камня с усечено-коническим основанием, увенчанным навершием, несколько напоминающее ступу. Пояснительная надпись на фотографии гласит, что это сторожевая башня, видимо, из-за значительной высоты (до семи метров) памятника, а также запечатленных русских офицеров, в контексте того, что в этой ключевой точке перевала находился пограничный пост с одноименным названием (в настоящее время на китайской территории). Скорее же всего, это «оба», возможно, белого цвета, а опираясь на вышеизложенное, не приходится

⁶ «Чаган», по-монгольски, «белый», «обо» — культовое ламаистское сооружение, возводившееся в честь духа перевала, какого-либо события или в память о выдающейся личности. Кучи камней на возвышенностях или миниатюрные башенки, сложенные из камня, казахи называют «оба», «оба-тас».

Ил. 5. Сооружение Чаган-обо. Фото предоставил Фемистокл Жунусов, историк, сотрудник историко-краеведческого музея в г. Зайсан

сомневаться, что если сооружение и не было посвящено духу погибшего батыра Чагана (по преданию, он погиб в этих местах), то во всяком случае для него самого и его соплеменников оно было особым духовным ориентиром. Для нашей же аналогии важно, что вплоть до начала XX в. в Тарбагатае возводились казахские каменные «двухступенчатые» надгробия, хотя и меньшего размера, чем Чаган-обо, но весьма напоминавшие этот ламаистский культовый прототип. Такие надгробия находятся и на некрополе Койбагарата (ил. 6), названном по имени батыра, участвовавшего в битвах с Чаганом под началом знаменитых батыров Кабанбая и Даулетбая. Точно так же некоторые выразительные внешние формы ламаистских культовых сооружений вполне могли быть интегрированы в казахскую

идентичность, особенно в период отмеченных выше активных поисков образности (вторая пол. XIX — нач. XX в.). Развивались интенсивные торговые и иные контакты казахов Восточного Казахстана с населением Западной Монголии и северо-западной части Китая (Синьцзян), где традиционно прочными были позиции тибетского буддизма. Но даже и непосредственно в «пост-джунгарское» время в XVIII в. по Восточному Казахстану прокатилась еще одна волна тибетского буддизма, связанная с маньчжурским присутствием, что сохранилось в топонимах — Сибинские озера (по названию маньчжурского племени сибо⁷),

⁷ Любопытные сведения о роли колеса в народной медицине сибо, обитавших в конце XIX в. в Илийской области и Тарбагатае приводит

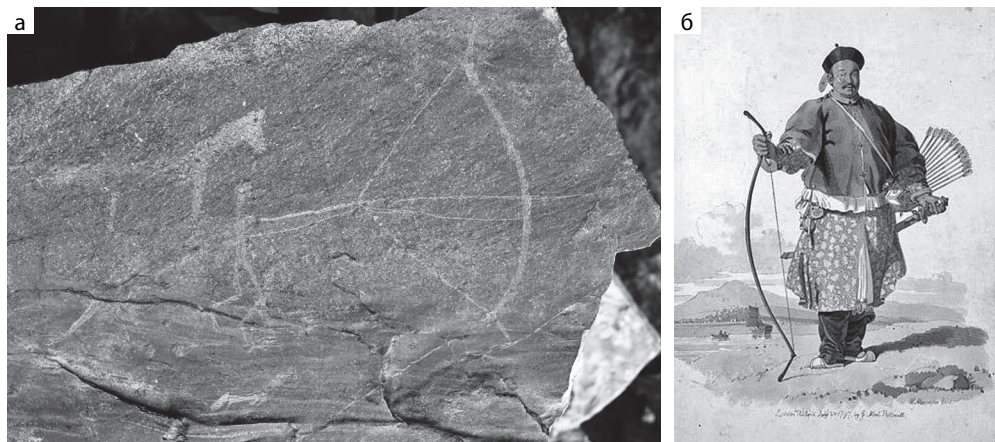
Ил. б. «Двухступенчатое» погребальное сооружение на некрополе Койбагар-ата. Хребет Тарбагатай, Восточный Казахстан. Фото Э. Байтенова, 2009 г.

Маньчжурбулак (хребет Тарбагатай) — и, по-видимому, в петроглифах. Встречаются относительно недавние (не покрытые патиной) петроглифы (ил. 7 а), луки, изображенные на них, напоминают маньчжурские (ил. 7 б) — важнейшим из боевых искусств у маньчжурских воинов считалась стрельба из лука.

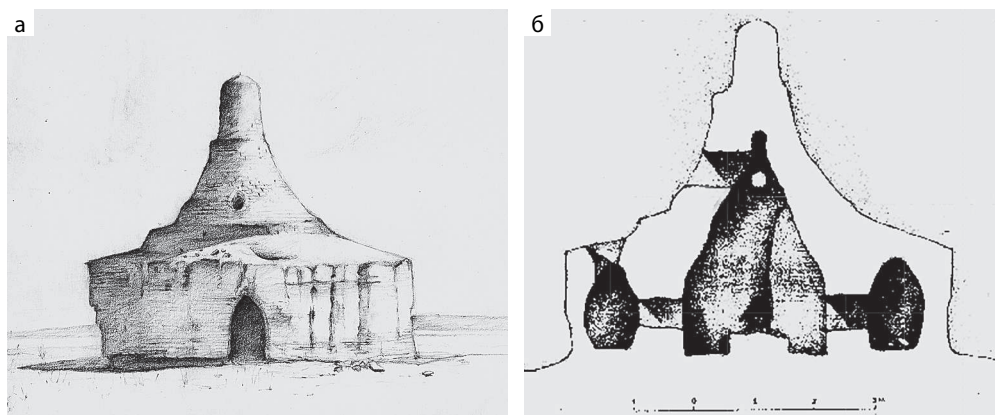
Возвращаясь же к казахским мавзолеям, формы которых вызывают ассоциации с культовыми буддийскими сооружениями, отметим, что в основном ключевым элементом в сходстве со ступами являются их купола, имеющие специфический колоколообразный абрис. Такая особенность прослеживается и в обоих куполах мавзолея Жаманбала-Садырбай, но еще более в мавзолеях Сарыказак (Северное Прибалхашье) и Зейнулла (Чиликтинская долина). Мавзолей Сарыказак (ил. 8) со-

Н. Н. Кротков, российский консул в Синьцзяне — для излечения от истерии большая ходила вокруг колеса, установленного «по середине двора», также вокруг колеса водили роженицы при трудных родах (Кротков 1912: 15; Пан 2007: 56).

вершенно своеобразен — помимо колоколообразного купола, вызывающего ассоциации с архитектурой ступы, его круглый в плане основной объем имеет еще и внутреннюю кольцевую галерею, окружающую погребальную камеру, обходные галереи — характерный элемент буддийских святилищ. Хотя круговые обходы («таваф») вокруг мавзолеев известны и для мусульманской обрядности, но в архитектуре казахских кумбезов (мавзолеев) такой элемент встречается очень редко (Байтенов 2016с: 5–27). Мавзолей Зейнулла (ил. 9), находится в упомянутой Чиликтинской долине на границе с Китаем, в его силуэте также прослеживаются «восточные» влияния. Это один из самых поздних традиционных памятников, он возведен народным мастером Баязитом Сатпаевым (ил. 10) в 1925 г. В совершенстве владея технологией строительства из обожженного кирпича, Б. Сатпаев построил десятки жилых и общественных зданий, особенно купеческих особняков и магазинов в г. Зайсан. Необходимо отметить нема-

Ил. 7. Важнейшим из боевых искусств у маньчжурских воинов считалась стрельба из лука: а) «свежий» (не покрытый патиной) петроглиф с изображением лучника, лук изображен крупно и в деталях. Горы Кызылтас, Восточный Казахстан. Фото Э. Байтенова, 2019 г.; б) Маньчжур из «восемизнамённых» войск. Рисунок XIX в. Источник: <https://warspot.ru/4998-nichego-ne-mozhet-byt-prezrennee-kitayskoy-voennoy-sily>

Ил. 8. Мавзолей Сарыказак. Северное Прибалхашье: а) общий вид. Рисунок Э. Байтенова, 1982 г.; б) разрез. Чертеж Э. Байтенова, 1982 г.

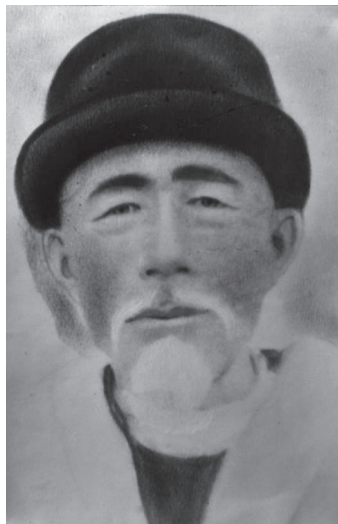
ловажную особенность казахских мавзолеев востока Казахстана⁸ — в них упорно

⁸ Территория всегда была «воротами» для культурных влияний с востока и своего рода «заповедником» реликтовым форм. В Тарбагатае нами обнаружены оленные камни, близкие к монголо-забайкальскому типу (Байтенов 2016б: 10–11) (в других областях Казахстана этот тип неизвестен), древнетюркский храм каганско-княжеского типа, характерного только

для Монголии (Байтенов 2016а: 34), а севернее Черного Иртыша — знаки (Байтенов 2018: 12–13), во многом аналогичные выбитым на скале Аршан-хад (Восточная Монголия) и т.д. Хотя обожженный кирпич был известен в Восточном Казахстане еще в древнетюркское время (памятник Керген-тас), но «настойчивость» в использовании сырцового кирпича объясняется ранней традицией местных казахских мемориальных построек, укоренившейся и противостоящей «моды» XIX в. на обожженный кирпич.

Ил. 9. Мавзолей Зейнулла.
Чиликтинская долина,
Восточный Казахстан: а) общий
вид. Фото Э. Байтенова, 2005 г.;
б) фрагмент. Фото Э. Байтенова,
2005 г.; в) фрагмент. Фото
Э. Байтенова, 2005 г.

Ил. 10. Народный мастер Баязит Сатпаев (1870–1954). Фотография предоставлена Ф. Жунусовым

Ил. 11. Мавзолей, построенный Б. Сатпаевым в Синьязяне. Фотография предоставлена Ф. Жунусовым

использовался кирпич-сырец, несмотря на то что на всей остальной территории и в городских зданиях (в том числе и в городах Восточного Казахстана), и в степных мавзолеях обожженный кирпич применялся довольно часто. Мавзолей же Зейнулла уникален — это практически единственный известный в Восточном Казахстане памятник мемориального зодчества с облицовкой из обожженного кирпича, в нем мастер использовал так называемый «кирпичный стиль» (с элементами модерна), зародившийся в европейской архитектуре и попавший в казахские степи через российскую строительную культуру. В эту «стилевую рубашку» и была облачена традиционная купольная структура, впрочем, в необычной для местных мавзолеев планировочной конфигурации в виде продольно-осевого сочетания камер, квадратной — погребальной и круглой — поминальной. В композиционном строе мастер использовал модуль и приемы геометрической гармонизации.

Доминирующий в общей композиции силуэт завершая над погребальной камерой вызывает явные ассоциации с культовой буддийской архитектурой, и даже в куполе над поминальной камерой прослеживается намек на колоколообразное «провисание» — рефлексия профессионального архитектора, владевшего приемами «перекодирования» форм. Баязит Сатпаев, как и большинство казахов, проживавших на приграничных с Китаем территориях, имел родственные и иные связи в Синьязяне, видимо, был знаком и с местной архитектурой. С приходом советской власти он откочевал в г. Чугучак (Шаушек), где и продолжил свою профессиональную деятельность, в результате чего появился мавзолей-близнец (ил. 11), еще два построенных им мавзолея были разрушены во время культурной революции (сообщил Ф. Жунусов). В архитектуре мавзолея Зейнулла мастером создан «сплав» из европейских стилистических

Ил. 12. Мавзолей Балтабек кажи, 1920 г. Восточный Казахстан. Фото Э. Байтенова, 2005 г.

заимствований и азиатских традиций, в этом смысле памятник является своего рода символом евразийской культуры.

Особенностью мавзолеев Жаманбала-Садырбай, Сарыказак, Зейнулла и некоторых других является высокое монолитное навершие над куполом — элемент весьма редкий для большинства казахских мавзолеев, но характерный для «классических» ступ. Аналогичным навершием увенчан и купол еще одного мавзолея из Восточного Казахстана — Балтабек кажи (1920 г.), уникального тем, что это самый высокий сырцовый (и вообще казахский) мавзолей не только в Восточном Казахстане, но и на всей территории республики — его первоначальная высота с деревянным шпилем была около 16 м (ил. 12). Похожее навершие, но в деревянном вари-

анте, характерны для особой разновидности мавзолеев в виде ротонды с пологой шатровой кровлей, расположенных в северных окрестностях Тарбагатая (ил. 13 а, б). Встречаются также мавзолеи с аналогичным шатровым покрытием, но с горизонтальной «прорезью» (ил. 13 в), а также с «шатром» из жердей внутри купола (ил. 13 г) — представляется перспективным проследить не только отзвуки буддийской культуры, но и «языческие» традиции Алтая и Сибири в генезисе этих памятников. В рассмотренных мавзолеех можно с большой долей вероятности предполагать восточные влияния, и не только благодаря внешнему сходству (подчас значительному), но, что очень важно, исходя еще и из территориальной близости ламаистской культуры к ареалу рассматриваемых

Ил. 13. Казахские мавзолеи.
 Восточный Казахстан:
 а) мавзолей Егизбай. Фото Э. Байтенова, 2008 г.; б) мавзолей Жантикей. Фото Э. Байтенова, 2008 г.; в) деревянные мавзолеи с горизонтальной щелью в куполе. Фото Э. Байтенова, 2006 г.; г) мавзолей Туркпен-ата. Фотография предоставлена Ф. Жунусовым, хранится в историко-краеведческом музее г. Зайсан

памятников и даже непосредственного ее проникновения в восточную часть казахских степей в предшествующее время. Таким образом, в казахских кумбезах второй половины XIX — начала XX в. на востоке Казахстана в поисках выразительности вполне могли быть использованы формы культовой архитектуры тибетского буддизма.

Отметим, что при анализе происхождения форм архитектурных сооружений одного внешнего подобия недостаточно. Архитектурное формообразование — это многослойный процесс со своими возможностями и ограничениями. Так, в отношении казахских мавзолеев одно из распространенных заблуждений — убежденность в происхождении их форм от юрты, опирающаяся на внешнее сходство и на представление, что мавзолей — это дом для покинувшего мир человека. На поздних этапах наблюдается все большее сближение этих двух линий: в XIX — начале XX в. в казахских мавзолеех уже отмечаются отдельные случаи подражания юрте (абрис купола в виде характерного изгиба уыков, росписи в камере, изображающие ковры, баскур и т. д.). К названиям мавзолеев иногда добавляется «там» — «дом» (напр., Макул-там), а во второй половине XX в. некоторые мавзолеи откровенно имитировали юрту. Между жилищем кочевников (как и у оседлых народов) и погребальными сооружениями (ср., «домовина»), безусловно, есть глубинное родство с точки зрения семантики и пространственной структуры, но в целом истоки и пути развития этих двух типологических линий различны, кроме того, благодаря разветвленной типологии мемориалов, далеко не всегда наблюдается их сходство с жилищем. Важно, что мавзолей, в отличие от юрты, в большей степени воспринимался *извне*, в юрте же — главен-

ствующим было *внутреннее*, непосредственно используемое пространство. Но даже в этих рамках диалектика содержательности двух типов пространства полна оттенков и перекрестных значений: оппозиция «гость» — «хозяин» по-разному встраивает мемориал и жилище в систему личностного отношения к ним, то есть в то, как они воспринимаются «глазами гостя» и «глазами хозяина» («свое» — «чужое»), в том числе и *извне*, и *изнутри*. В юрте гость как бы становился хозяином, «присваивая» внутреннее пространство, чего не происходило в мавзолеех, возможно поэтому с углублением «взгляда извне» (то есть глазами гостя) *внешние формы акцентировались*, подпитывая тенденцию поиска образности. Интересно, что средневековые мавзолеи более «уравновешены» в этом аспекте — в них уделено одинаковое внимание композиционной проработке внешних форм и интерьера. Дальнейшая разработка методологии этой значимой культурологической проблемы позволит глубже понять генезис двух важнейших ветвей кочевой архитектуры, а в целом и глубинные механизмы эстетики культовых и гражданских зданий, городского пространства, костюма и т. д., то есть — всех «оболочек» человека, еще и сопровождающихся его ролевой диалектикой («гость», «хозяин» и т. д.) «во времени и пространстве». Также необходимы и специальные исследования для выявления древних элементов, сохранившихся в реликтовом виде в мемориалах и в то же время и позднейших форм, замаскированных под древность (Байтенов 2016с: 5–27). Так, еще предстоит разобраться во всех тонкостях, казалось бы, очевидных связей между головными уборами и формами культово-мемориальной архитектуры. Сходство форм подобного рода сооружений и голов-

ных уборов — это важная культурологическая проблема с «веером» многоуровневых смысловых связей, включая пространственные архетипы, антропоморфизм многих сооружений и другие слои с разнохарактерным содержанием. Было бы большим упрощением думать о прямом копировании форм головных уборов в монументальной архитектуре (или наоборот), — необходимо выявить смысловые связи во всем их многообразии, вплоть до подсознательного перекодирования этого элемента костюма в архитектурные образы⁹.

Известно, что монгольские головные уборы типа «хилэн малгай» (ил. 14) вполне коррелируют с формой реликвариев ламаистских субурганов. Эта часть гардероба в виде перевернутого усеченного конуса характерна для бурят, тувинцев, калмыков Синьцзяна (но не волжских), то есть народов, населявших почти всю территорию распространения ламаизма, а также — для маньчжурской династии Цин. Тем не менее такой тип купольного завершения мавзолеев на востоке Казахстана практически не выражен¹⁰, но совершенно не-

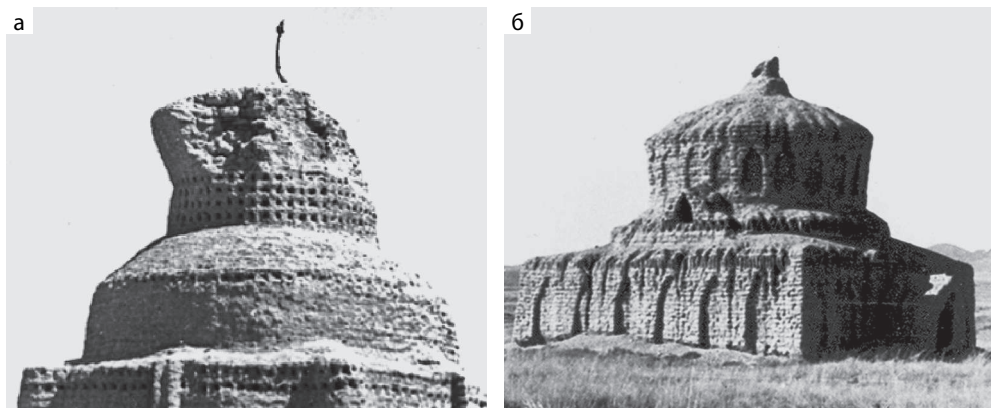
Ил. 14. Монгольский традиционный головной убор «хилэн малгай». Источник: http://bugsabai.ucoz.com/publ/mandakh_t_rijn_malgaj/1-1-0-10

ожиданно небольшая группа мавзолеев с расширяющимися навершиями куполов выявлена значительно западнее, в Северо-Восточной Бетпадале на небольшой территории, ограниченной долинами степных речек Моинты, Шажай и окрестностями возвышенностей Таяткан-Шунак. Так, в венчающей части купола мавзолея Алтыбай (ил. 15 а) вполне можно уловить сходство как с головными уборами монголоязычных народов, так и с субурганом, впрочем, скорее всего, это подобие — внешнее¹¹.

⁹ Например, средневековые мавзолеи с шатровыми (пирамидальными и коническими) куполами часто возводились для девушек и молодых женщин (Айша биби, Кяниязак хатун и т.д.) или приписывались таковым, что также показательно. Возможно, существовала какая-то связь этих построек с остроконечными девичьими шапками и высокими головными уборами (типа «саукеле»), дошедшими до этнографического времени. Истоки таких форм могут уходить в глубины античности, ср. остроконечные головные уборы жрицы — сакской (Базарбаева, Джумабекова: 2019) и сарматской (Лукпанова 2018: 145–155), впрочем, генезис шатрового покрытия далеко не исчерпывается только этой линией развития.

¹⁰ Выше отмечены незначительно расширяющиеся главы куполов мавзолея Жаманбала-Садырбай.

¹¹ Ламаизм проник и в Центральный Казахстан. В Кентских горах на расстоянии около двухсот километров к северо-востоку от рассматриваемых мавзолеев Бетпадалы находятся руины ламаистского монастыря (так называемый Кызылкентский дворец). Считается,

Ил. 15. Казахские мавзолеи. Северо-Восточная Бетпақдада, Казахстан: а) мавзолей Алтыбай, фрагмент купола. Фото Э. Байтенова, 1986 г.; б) мавзолей Махажан общий вид. Фото Э. Байтенова, 1987 г.

В мавзолее Махажан (ил. 15 б) из этой же локальной группы даже не завершие, а сам купол в основании имеет небольшое расширение, и это не случайно — купола с незначительно расширяющейся кверху нижней частью появляются в конце XIX — начале XX в. не только в Бетпақдале, но и в низовьях Сырдарьи¹². Едва заметное расши-

что вскоре после его основания, по-видимому, в XVII в., он был покинут. Так что даже если и были какие-то ламаистские влияния, то вряд ли они могли сохраниться до второй половины XIX — начала XX в. (разве что в виде «восточных» образов на знаменитой Каркаралинской ярмарке, что, в общем-то, исключать нельзя), да еще в такой малочисленной группе компактно расположенных памятников. Истоки специфической формы венчающей части купола мавзолея Алтыбай лежат если не в более южных районах (ср., напр., венчающую часть сауранских минаретов), ближе к Средней Азии (в связи с меридиональным кочеванием), то, скорее всего, в местном формообразовании. Кстати, венчающие части куполов некоторых мавзолеев из этой группы (напр., Аманжол) похожи и на казахские головные уборы («бөрік»).

¹² В Восточном Приаралье также происходили интенсивные контакты казахов с ойратами («қалмақ»), нами зафиксированы предания

рение прослеживается в подкупольных барабанах отдельных мавзолеев плато Устюрт. Но этот феномен связан не с «восточными ассоциациями», а со своего рода «барочной модой»¹³, характерной для завершающей фазы стилевого цикла и охватившей локальные архитектурные группы на большой территории. Анализируя генезис архитектурных форм, необходимо учитывать и внутреннюю логику формообразования наряду с внешними влияниями.

Взаимодействие внешних влияний и «саморазвития» формы является дви-

о вооруженных столкновениях, подчас с фантастическими подробностями, но народное зодчество больше ориентировано на среднеазиатскую культуру (более близкую во всех отношениях), ламаистские же влияния не очевидны.

¹³ «Луковичность» куполов, от слегка намеченной до явно выраженной — это стадийное явление, известное на огромном пространстве «от Северной Африки до Японии», в связи с чем его трудно представить как результат иррадиации из единого центра. Именно с этой точки зрения вполне сравнимы расширяющиеся в основании купола казахских мавзолеев и реликварии субурганов, впрочем, как и большинство «барочных» (луковичных) куполов.

жущей силой архитектурного формообразования — органическое вплетение заимствований, подпитывающих образность, становится возможным благодаря созреванию потребности в поисках выразительности, особенно после сложения основных типов объемно-пространственной структуры. Важным условием существования композиции является ее постоянное развитие — народным мастерам, творившим на востоке казахских степей и освоившим к середине XIX в. традиционную объемно-пространственную структуру однокамерного купольного объема, а на его основе — многокамерные композиции, предстояло «нащупать» дальнейшие пути развития мемориалов. В этих условиях одному из направлений поисков образности созвучными оказались «восточные» архитектурные формы, которые в большем или меньшем приближении и были использованы в создании новых уникальных композиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов 1867* — *Абрамов Н.* Река Черный Иртыш // Архив Русского географического общества. 1867. Разряд 69. Оп. 1. Ед. хр. 1.
- Базарбаева, Джумабекова 2019* — *Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С.* Шаманка, жрица, принцесса? (К изучению статуса женщины сакской эпохи) [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал Edu.e-history.kz. 2019. №3 (19). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1264>.
- Байтенов 2004* — *Байтенов Э. М.* Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования. Алматы: КазГАСА, 2004.
- Байтенов 2014* — *Байтенов Э. М.* Сокровищница культурного наследия на восточном рубеже нашей родины // Зайсанский пограничный отряд. Летопись мужества и героизма 1924–2014 г. Алматы: «Бизнес Медиа», 2014. С. 178–205.
- Байтенов 2016a* — *Байтенов Э. М.* Набросок к проблеме наследования власти в первом Тюркском каганате // Вестник КазГАСА. 2016. №2 (60). С. 22–37.
- Байтенов 2016b* — *Байтенов Э. М.* Новые материалы по древнему культурному наследию Тарбагатай // Вестник КазГАСА. 2016. №3 (61). С. 5–22.
- Байтенов 2016c* — *Байтенов Э. М.* Мемориалы юга Сары-Арка (к проблеме реликтовых и вновь возникших форм) // Вестник КазГАСА. 2016. №4 (62). С. 5–27.
- Байтенов 2019a* — *Байтенов Э. М.* Дизайн: прошлое, настоящее, горизонты [Электронный ресурс] // Искусство Евразии. 2019. №3 (14). С. 317–335. URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/33/>.
- Байтенов 2019b* — *Байтенов Э. М.* О культурном наследии в горном массиве Доланкара в западной части хребта Тарбагатай // Вестник КазГАСА. 2019. №4 (62). С. 6–11.
- Байтенов 2018* — *Байтенов Э. М.* Новые данные о древнем культурном наследии в Верхнем Прииртышье // Вестник КазГАСА. 2018. №1 (67). С. 5–25.
- Валиханов 1984* — *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984.
- Денякин 2017* — *Денякин Ю. А.* Зайсан православный. М.: Сам Полиграфист, 2017.
- Златкин 1983* — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства 1635–1758. М.: Наука, 1983.
- Иванов 1914* — *Иванов Д. Л.* По киргизской степи. Путевые очерки. Петроград.: Изд. А. Ф. Девриена, 1914.
- Исабаев 2017* — *Исабаев Г. А.* Стилевые особенности архитектуры Казахстана второй половины XIX — начала XX века. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2017.
- Керимов, Оралбай 2016* — *Керимов М. Қ., Оралбай Е. Қ.* Еркіндікті аңсаған Қожаяғалды батыр // Тарихқа толы Тарбағатай. Алматы: «Мерей» баспасы, 2016.
- Кротков 1912* — *Кротков Н.* Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибиряков, живущих в Илийской области и Тарбагатае // Отдельный оттиск из Записок Восточного отделения ИРАО. Т. XXI. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1912. С. 117–137.

- Левшин 1832* — Левшин А. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. III. Этнографические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832.
- Лукпанова 2017* — Лукпанова Я.А Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 145–155.
- Пан 2007* — Пан Т.А. Неизданный текст Н. Н. Кроткова «О шаманах у сибинцев» // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова) : сборник статей / отв. ред. Е. В. Иванова, Е. В. Ревуненкова, Е. Д. Петрова. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 52–57.
- Сборник материалов по мусульманству 1899* — Сборник материалов по мусульманству. Т. 1 / под ред. поручика В. И. Ярового-Равского [Электронный ресурс]. СПб., 1899. URL: <https://litportal.ru/avtory/v-yarovoy-ravskiy/kniga-sbornik-materialov-po-musulmanstvu-tom-1-681229.html>.
- Тынышпаев 1926* — Тынышпаев М. Киргиз-казаки в 17–18 веках. Дополнение к «Материалам по истории киргиз-казацкого народа». Кзыл-Орда: Общество изучения Казахстана, 1926.
- ## REFERENCES
- Bazarbaeva G. A., Dzhumabekova G. S. Shamanka, zhritsa, printsessa? K izucheniiu statusa zhenshchiny sakskoj epokhi (In regards to the scrutiny of the status the woman the Saksy Epoch). *Elektronnyi nauchnyi zhurnal (Soft scientific journal) Edu.e-history.kz*, no. 3 (19), 2019. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1264> (In Russian).
- Baitenov E. M. *Memorial'noe zodchestvo Kazakhstana: evolutsiia i problemy formoobrazovaniia (Memorial Architecture of Kazakhstan: its Evolution and Problems of Form-development)*. Almaty: KazGASA Publ., 2004 (In Russian).
- Baitenov E. M. Sokrovishchnitsa kul'turnogo nasledii na vostochnom rubezhe nashei rodiny (The Treasury of Cultural Heritage from the Borders of our Motherland). *Zaisanskii pogranichnyi otriad. Letopis' muzhestva i geroizma 1924–2014 gg. (Zaisan Frontier Squad. The Witness of Bravery and Heroism 1924–2014)*. Almaty, Biznes Media Publ., 2014 (In Russian).
- Baitenov E. M. Nabrosok k probleme nasledovaniia vlasti v pervom Tiurkskom kaganate (A Sketch as per the Problem of Power Inheritance in the First Turkic Haganate). *Vestnik KazGASA (KazLAACE Herald)*, no. 2 (60), 2016, pp. 22–37 (In Russian).
- Baitenov E. M. Novye materialy po drevnemu kul'turnomu naslediiu Tarbagataia (New Materials on the Ancient Cultural Heritage of the Tarbagatay Mountains). *Vestnik KazGASA (KazLAACE Herald)*, no. 3 (61), 2016, pp. 5–22 (In Russian).
- Baitenov E. M. Memorialny iuga Sary-Arka (k probleme reliktovykh i vnov' vznikshikh form) (Memorials of the Southern Sary-Arka (as per the Problem of Relict and Newly Appeared Forms)). *Vestnik KazGASA (KazLAACE Herald)*, no. 4 (62), 2016, pp. 5–27 (In Russian).
- Baitenov E. M. Dizain: proshloe, nastoiashchee, gorizonty (Design: The Past, the Present, the Horizons). *Iskusstvo Evrazii (The Art of Eurasia)*, no. 3 (14), 2019, pp. 317–335 (In Russian). URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/33/> (In Russian).
- Baitenov E. M. O kul'turnom nasledii v gornom massive Dolankara v zapadnoi chasti khrebtu Tarbagatai (On the Cultural Heritage of the Dalankara Mountain Range Located in the West of the Tarbagatay Mountains). *Vestnik KazGASA (KazLAACE Herald)*, no. 4 (62), 2019, pp. 6–11 (In Russian).
- Baitenov E. M. Novye dannye o drevnem kul'turnom nasledii v Verkhnem Priirtysh'e (Newly Discovered Database on the Ancient Cultural Heritage of the Upper Irtysh River). *Vestnik KazGASA (KazLAACE Herald)*, no. 1 (67), 2018, pp. 5–25 (In Russian).
- Valikhanov Ch. Ch. *Sobranie sochinenii v piati tomakh (The Collected Works in Five Volumes)*, vol. 1. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoj entsiklopedii Publ., 1984 (In Russian).
- Deniakin Iu. A. *Zaisan pravoslavnyi (The Zaisan Lake as an Orthodox Center)*. Moscow: "Sam Poligraphist" Publ., 2017 (In Russian).
- Zlatkin I. Ia. *Istoriia Dzhungarskogo khanstva 1635–1758 (The History of the Dzungarian*

- Khanate 1635–1758*). Moscow: Nauka Publ., 1983 (In Russian).
- Ivanov D. L. *Po kirgizskoi stepi. Putevye ocherki (Along the Kirgiz Steppe. Travelling Essays)*. Petrograd: A. F. Devrien Publ., 1914 (In Russian).
- Isabaev G. A. *Stilevye osobennosti arkhitektury Kazakhstana vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka (Stylistic Specifics of Kazakhstani Architecture of the Second Half of the XIX — the Beginning of the XX Centuries)*. Almaty: House "Zhibek Zholy" Publ., 2017 (In Russian).
- Karimov M. K., Oralbai E. K. Erkindikti aqsaran Kozhageldi batyr (Batyr who was Longing for Freedom). *Tarikhqa toly Tarbagatai (Plenty of Stories from the Tarbagatay Mountains)*. Almaty: Meray Publ., 2016 (In Kazakh).
- Krotkov N. Kratkie zametki o sovremennom sostoianii shamanstva u sibo, zhivushchikh v Iliiskoi oblasti i Tarbagatae (Brief Sketches about the Current State of Sibio Shamanism that Live in the Ili Oblast and the Tarbagatay Mountains). *Otdel'nyi ottisk iz Zapisok Vostochnogo otdeleniia IRAO (Special Copy from the Oriental Department of ERAO)*, vol. XXI. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, pp. 117–137 (In Russian).
- Levshin A. Opisanie kirgiz-kaisatskikh ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepei (The Description of Kirgiz-Kaisack or Kirgiz-Cossack Hordes and Steppes). Pt. III. *Etnograficheskie izvestiia (Ethnographic News)*. Saint Petersburg: Karl Krai Publ., 1832 (In Russian).
- Lukpanova Ia. A. Rekonstruktsiia zhenskogo kostiuma iz elitnogo pogrebieniia Taksai-1: vzgliad arkhologa (Reconstruction of the Female Garment from the Elite Entombment Taksai-1: Point of View of an Archeologist). *Povolzhskaya arkhologiya (The Volga River Archeology)*, no 1 (19), 2017, pp. 145–155 (In Russian).
- Pan T. A. Neizdannyi tekst N. N. Krotkova «O shamanakh u sibintsev» (Unpublished Text of N. N. Krotkov "About Shamans from the Sibints"). *Problemy obshchei i regional'noi etnografii (k 75-letiiu A. M. Reshetova): Sbornik statei (The Problems of General and Regional Ethnography: (in the frames of the 75th Jubilee of A. M. Reshetov): Collection of papers.)*. Eds. E. V. Ivanova, E. V. Revunenikova, E. D. Petrova. Saint Petersburg: MAE RAN Publ, 2007, pp. 52–57 (In Russian).
- Sbornik materialov po musul'manstvu (Collection of Materials on the Islamic Religion), vol. 1 / Ed. V. I. Iarovoi-Ravskoi. Saint Petersburg, 1899. URL: <https://litportal.ru/avtory/v-yarovoy-ravskiy/kniga-sbornik-materialov-po-musulmanstvu-tom-1-681229.html> (In Russian).
- Tynyshpaev M. *Kirgiz-kazaki v 17–18 vekakh. Dopolnenie k "Materialam po istorii kirgiz-kazakskogo naroda" (Kirgiz-Kazaks in the 17–18 centuries. The Addition to "The Materials on the History of the Kirgiz-Kazakh People")*. Kyzyl-Orda: Society for the Study of Kazakhstan Publ., 1926 (In Russian).